

Ангел Богданович

**Три рассказа Ан. Чехова:
«Случай из практики», «Новая
дача», «По делам службы»**

Ангел Иванович Богданович
Три рассказа Ан. Чехова:
«Случай из практики», «Новая
дача», «По делам службы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5677113

Аннотация

«Въ новыхъ произведеньяхъ Ан. Чехова, появившихся въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ «Рус. Мысли», «Рус. Вѣдомостяхъ» и «Недѣль», опять тревожно стучатся въ душу читателя неразрѣшимые вопросы жизни, которые съ особой болью и остротой даютъ себя чувствовать въ минуты глубокаго общественнаго затишья...» *Произведение дается в дореформенном алфавите.*

А. И. Богдановичъ

Три разсказа Ан. Чехова: «Случай изъ практики», «Новая дача», «По дѣламъ службы»

Въ новыхъ произведеніяхъ Ан. Чехова, появившихся въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ «Рус. Мысли», «Рус. Вѣдомостяхъ» и «Недѣль», опять тревожно стучатся въ душу читателя неразрѣшимые вопросы жизни, которые съ особой болью и остротой даютъ себя чувствовать въ минуты глубокаго общественнаго затишья.

Бываютъ такія времена, когда кажется, будто телѣга жизни остановилась, застрявъ въ какомъ то болотѣ, изъ котораго не выбраться – ни влѣво, ни вправо податься некуда, и при каждой Попыткѣ только глубже и глубже засасываетъ тина. Такое впечатлѣніе, конечно, обманчиво по существу, и процессъ жизни не останавливается. Только онъ совершается, гдѣ-то глубоко-глубоко, носитьъ почти молекулярный характеръ, и въ этомъ, пожалуй, заключается его огромное органическое значеніе. Но на поверхности, гдѣ мы только и можемъ наблюдать этотъ процессъ, – это обманчивая тишина, отсутствіе движенія и мертвящая гладь вызываютъ нѣчто въ родѣ

мистическаго ужаса при мысли, что жизнь такъ и замерла въ своей современной уродливой формѣ. Чувство неопредѣленной тревоги сжимаетъ сердце, а больная совѣсть возбуждаетъ вопросъ за вопросомъ, на которые текущая жизнь все не даетъ отвѣта, и вниманіе все болѣе и болѣе сосредоточивается на жизни внутри насъ. Кажется, именно здѣсь скрыта причина всѣхъ причинъ, и важнѣйшіе *общіе* вопросы сводятся къ рѣшенію прежде всего вопроса личной жизни. Какъ будто каждый изъ насъ живетъ внѣ времени и пространства, какъ будто окружающее не имѣетъ ни малѣйшаго къ намъ отношенія, есть лишь отраженіе нашего я, которое властно повернуть жизнь такъ и этакъ! И нужно много стойкости, усилій воли, той особой дисциплины ума, которая вырабатывается опытомъ, наблюденіемъ и размышленіемъ, чтобы поставить вопросъ совершенно обратно, взглянуть на себя, какъ на маленькую часть огромнаго общественнаго организма, часть, которая всецѣло подчинена законамъ этого организма, вліяющимъ на нее такъ же стихійно, какъ законъ тяготѣнія, какъ солнце и воздухъ.

Въ своихъ произведеніяхъ послѣдняго времени Ан. Чеховъ даетъ рядъ такихъ типовъ съ чуткой душой и больной совѣстью, на которыхъ тягота жизни давитъ съ особой силой, именно потому, что они воспріимчивѣе другихъ, чувствительнѣе и нѣжнѣе. Въ первомъ изъ этихъ чудесныхъ по яркости художественнаго выполненія рассказовъ предъ нами настоящая больная, нервная и разбитая, хрупкое и

симпатичное существо, на которое судьба взвалила тяжесть пяти огромных фабричных корпусов, где тысячи рабочих вырабатывают гнилые ситцы для азиатских рынков. Огромные доходы от этой каторжной работы камнем ложатся на душу бѣдной владѣлицы, которой въ сущности такъ мало нужно. Умный и вдумчивый врачъ, приглашенный къ этой оригинальной больной, раздавленной ея милліонами, невольно останавливается передъ этимъ вопіющимъ противорѣчьемъ.

Пациентка возбуждаетъ въ немъ глубокую жалость. Вначалѣ она кажется ему неинтересной и незначительной, но когда въ нервномъ припадкѣ она зарыдала, «впечатлѣніе существа убогаго и некрасиваго вдругъ исчезло, и Королевъ (врачъ) уже не замѣчалъ ни маленькихъ глазъ, ни грубо развитой нижней части лица; онъ видѣлъ мягкое страдальческое выраженіе, которое было такъ разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотѣлось уже успокоить ее не лѣкарствами, не совѣтомъ, а простымъ, ласковымъ словомъ».

Окружающая обстановка, мать, любящая и ничего не понимающая, богатство, не скрашенное даже внѣшнимъ лоскомъ культуры, угрюмый гулъ фабричныхъ корпусовъ, и среди этого неуютнаго, ничѣмъ не осмысленнаго міра чахнувшая отъ бессмыслицы жизни бѣдная дѣвушка – наводятъ доктора на размышленія. Зачѣмъ все это? Кому это нужно?

И докторъ совершенно правъ, когда, рассматривая всю

эту нелѣпую картину жизни съ исключительно личной точки зрѣнія, приходитъ къ оригинальному выводу, что Христина Дмитріевна тутъ только подставное лицо, а «главное, для ко-го здѣсь все дѣлается – дьяволь».

Отъ этихъ грустныхъ мыслей докторъ возвращается къ своей пациенткѣ, которую застаётъ еще болѣе слабой и разбитой послѣ нервнаго припадка. Она, какъ бы провидя его думы, сама идетъ ему на встрѣчу, жалуется на одиночество, на пустоту жизни. Ему кажется, что есть только одинъ хоро- шій совѣтъ, который могъ бы улучшить ея душевное настро- еніе – бросить всю эту жизнь, фабрику, милліоны и уйти.

«Случай изъ практики» есть конечно только «случай», не поддающійся обобщенію. Въ разсказѣ превосходно очерче- но настроеніе «мятущейся души», подавленной непосильны- мь бременемъ жизни. Выхваченъ изъ сложной картины жиз- ни одинъ яркій моментъ, въ которомъ съ особой силой про- являются противорѣчія, непримиримыя ни съ какой логи- кой, нелѣпыя сами по себѣ и тѣмъ болѣе тягостныя. Такіе моменты важны и поучительны всегда, и дорогъ художни- къ, умѣющій съ поразительной живостью воспроизвести ихъ. Они важны, потому что именно тогда, какъ глубокою но- чью при блескѣ молніи, вырѣзывается на хаотическомъ фонѣ житейской неурядицы вся нелѣпость исключительно личной жизни, не осмысленной и не упорядоченной одной общей, все объединяющей идеей, которая могла бы служить руко- водящей нитью сквозь мракъ и хаосъ удручающей современ-

ности. Они поучительны, потому что съ особой силой чувствуется въ эти моменты вся слабость уединенной личности, ея роковая зависимость отъ стихійной силы, дѣйствительно оказывающейся «дьяволомъ» для личности, не понимающей значенія этой силы. Въ темныхъ легендахъ средневѣковья только магъ и волшебникъ, близко изучившій тогдашняго дьявола, могъ справляться съ нимъ. Такихъ же приѣмовъ – изслѣдованія и изученія – требуетъ и современный «дьяволь», который при свѣтѣ науки оказывается вовсе не такъ страшень, какъ его малюють...

Уѣзжая отъ своей пациентки въ ясное воскресное утро, мечтательный докторъ «думаль о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлой и радостной, какъ это тихое, воскресное утро». И мы раздѣляемъ съ нимъ ту же надежду, иначе и жить бы не стоило, – но способъ, къ которому, по его мнѣнію, прибѣгнуть дѣти и внуки для достиженія этой жизни, намъ представляется мало дѣйствительнымъ, не говоря уже объ его неосуществимости.

Въ другомъ разсказѣ «Новая дача» Чеховъ рисуеть не менѣ яркую картину житейской нелѣпости, которая разыгрывается въ деревнѣ, гдѣ такая же «мятущаяся душа» желаетъ найти примиреніе съ жизнью въ работѣ для деревни – и не находить.

По художественности «Новая дача», пожалуй, лучшая вещь изъ написанныхъ за послѣднее время Чеховымъ. Въ

ней все движеніе и жизнь, крестьянскіе типы очерчены съ тонкимъ юморомъ, смягчающимъ рѣзкость и неприглядность мрачной деревенской жизни. Разсказъ, какъ и всѣ произведенія Чехова, не замысловатъ и простъ. Въ глухую деревушку, вблизи которой проводятъ желѣзную дорогу, пріѣзжаетъ строитель моста и устраиваетъ себѣ усадьбу. Его небольшая дача, лежащая въ сторонѣ, ни мало не мѣшаетъ деревнѣ, но жители сразу настраиваются къ новымъ поселенцамъ враждебно. Они и сами не знаютъ, что имъ такъ мѣшаетъ новая дача. Но при первой возможности они устраиваютъ инженеру пакость, загоняютъ его лошадей и дорогой скотъ, хотя сами травятъ его лугъ и лѣсъ. Инженеръ пытается уладить эти отношенія и при встрѣчѣ съ крестьянами заводитъ длинное объясненіе.

«— Я давно уже хочу поговорить съ вами, братцы,— говоритъ онъ,— дѣло вотъ въ чемъ. Съ самой ранней весны каждый день у меня въ саду и въ лѣсу бываетъ ваше стадо. Все вытоптано, свиньи изрыли лугъ, портятъ огородъ, а въ лѣсу пропаль весь молоднякъ. Сладу нѣтъ съ вашими пастухами; ихъ просишь, а они грубятъ. Каждый день у меня потрава, и я ничего, я не штрафую васъ, не жалуюсь,— между тѣмъ вы загнали моихъ лошадей и бычка, взяли пять рублей. Хорошо ли это? Развѣ это по сосѣдски? — продолжалъ онъ, и голосъ у него былъ такой мягкій, убѣдительный, и взглядъ не суровый. — Развѣ такъ поступаютъ порядочные люди? Недѣлю назадъ кто-то изъ вашихъ срубилъ у меня въ лѣсу два дуб-

ка. Вы перекопали дорогу въ Ереснево, и теперъ мнѣ приходится дѣлать три версты кругу. За что же вы мнѣ вредите на каждомъ шагу? Что я сдѣлалъ вамъ дурного, скажите ради Бога? Я и жена изо всѣхъ силъ стараемся жить съ вами въ мирѣ и согласіи, мы помогаемъ крестьянамъ, какъ можемъ. Жена моя сердечная, добрая женщина, она не отказываетъ въ помощи, это ея мечта быть полезной вамъ и вашимъ дѣтямъ. Вы же за добро платите намъ зломъ. Вы несправедливы, братцы. Подумайте объ этомъ. Убѣдительно прошу васъ, подумайте. Мы относимся къ вамъ по человѣчески, платите и вы намъ тою же монетой».

Такое патетическое воззваніе къ добрымъ чувствамъ крестьянъ остается ими, конечно, не понятымъ и получаетъ совершенно иное истолкованіе въ пересказѣ добродушнаго кузнеца Родіона: «Платить, говорить, надо... Монетой, говорить... Монетой не монетой, а ужъ по гривеннику со двора надо бы. Ужъ очень обижаемъ барина. Жалко мнѣ»... Родіонъ человѣкъ душевный, любитъ миръ, тишину, врагъ пьянства и буйства. Зато другіе, въ особенности его сынъ, Володька, и Лычковы отецъ съ сыномъ,— это буйные протестанты. Они вѣчно противъ всего и всѣхъ, хотя, конечно, и сами рѣшительно не могутъ понять, почему ихъ возмущаетъ и строящійся мостъ («не надо намъ моста... жили безъ него»...), и новая дача, такая нарядная и красивая, и пришлая барыня, тихая, добрая, ласковая. Они несчастны, вѣчно избиты, пьяны, грязны, голодны, и въ этомъ проти-

ворѣчїи между собой и новыми непонятными имъ явленїями чувствуютъ поводъ для постояннаго раздражительнаго недовольства. Оно вспыхиваетъ съ особенной силой въ тѣ минуты, когда обращаются къ ихъ добрымъ чувствамъ. Безотчетно, но съ тѣмъ большею жестокостью проявляется эта враждебность по отношенїю къ барынѣ, которая всей душой стремится быть полезной, нужной именно имъ, такимъ забытымъ нуждою, всѣми забытымъ людямъ.

Барыня дѣлаетъ попытки личнаго непосредственнаго сближенїя съ деревней. Она просто и откровенно объясняетъ, что ее влечетъ сюда. Придя въ деревню, она въ бесѣдѣ съ Родїономъ изливаетъ душу. На замѣчанїе Родїоновой жены, добродушной старухи, что богатымъ и на этомъ, и на томъ свѣтѣ живется лучше, она отвѣчаетъ отрицательно и въ примѣръ приводитъ себя.

Ея трогательный разсказъ о себѣ и наивный призывъ къ любви, миру и согласїю не вызываетъ сочувствїя, разбиваясь о скептицизмъ глупаго Козова и враждебное настроенїе прирожденныхъ протестантовъ Володьки («не надо намъ школы!..») и пьяныхъ Лычковыхъ. Бѣдная барыня совсѣмъ съживается, пугается и спѣшитъ уйти. Толпа тупо глядитъ ей въ слѣдъ, и только добрушно-глуповатый Родїонъ пытается по своему утѣшить ее, разъяснить, что дѣло не въ грубости Козова или Володьки, а въ чемъ-то другомъ.

«— Не обижайся барыня! чего тамъ, ты потерпи. Года два потерпи. Поживешь тутъ, потерпишь, и все обойдется. На-

родъ у насъ хорошій, смирный... Народъ ничего, какъ передъ Истиннымъ говорю... Иной, знаешь, радъ бы слово сказать по совѣсти, вступиться, значить, да не можетъ. И душа есть, и совѣсть есть, да языка въ немъ нѣтъ... Ты ничего... — бормоталъ онъ. — Потерпи годика два. И школу можно, и дороги можно, а только не сразу. Хочешь, скажемъ къ примѣру, посѣять на этомъ бугрѣ хлѣбъ, такъ сначала выкорчуй, выбери комки всѣ, да потомъ вспаши, ходи да ходи... И съ народомъ, значить, такъ... ходи да ходи, пока не осилишь»...

Въ концѣ концовъ инженеръ не выдерживаетъ постоянной мелкой травли сосѣдей и бѣжить, продавъ дачу чиновнику, который огородился, заперся и знать не знаетъ ни мужиковъ, ни ихъ нуждъ и желаній. Изрѣдка, возвращаясь съ работы, крестьяне вспоминаютъ прежнихъ господъ и думаютъ. «Въ ихъ деревнѣ, — думаютъ они, — народъ хорошій, смирный, разумный, Бога боится, и Елена Ивановна тоже смиренная, добрая, кроткая, было такъ жалко глядѣть на нее, но почему же они не ужились, а разошлись, какъ враги? Что это былъ за туманъ, который застилалъ отъ глазъ самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи, и всѣ эти мелочи, которыя теперь при воспоминаніи кажутся такимъ вздоромъ? Почему съ новымъ владѣльцемъ живутъ въ мирѣ, а съ инженеромъ не ладили?»

Авторъ не даетъ отвѣта на эти думы, которыя вызываютъ цѣлую вереницу другихъ, тоже невеселыхъ и безотвѣтныхъ. Почему труднѣе всего подойти къ человѣку открыто,

прямо, внѣ всякихъ рамокъ, въ которыя поставлень каждый изъ насъ,— какъ это хотѣла сдѣлать Елена Ивановна? Объясненіе добродушнаго Родіона, можетъ быть, и вѣрно, но оно не менѣе нелѣпо, чѣмъ самый фактъ. Чтобы дѣлать людямъ добро, надо ходить около нихъ цѣлые годы, «терпѣть» предварительно и путемъ терпѣнія добиться права быть добрымъ, не возбуждая злобныхъ выходокъ и подозрѣній...

Тема, затронутая Чеховымъ, не новая и часто служила для Гл. Успенскаго иллюстраціей непримиримости деревенскаго міросозерцанія и кающагося интеллигента, который вмѣсто распростертыхъ объятій встрѣчаетъ въ деревнѣ вражду. Только Успенскій обобщалъ эти столкновенія, видя въ нихъ продуктъ старыхъ крѣпостныхъ отношеній, не допускающихъ вполнѣ человѣчныхъ отношеній въ деревенскомъ людѣ, для котораго и самый искренній интеллигентъ все же представлялся бариномъ. Теперь эти старыя воспоминанія значительно сгладились, но не создалась зато и новая почва, на которой обѣ стороны могли бы сойтись какъ равныя. Такая почва создается только общностью интересовъ, а они такъ еще спутаны и не ясны для обѣихъ сторонъ, что если и есть какая почва для взаимныхъ отношеній, то безъ крупныхъ недоразумѣній дѣло никогда не обходится. Деревня можетъ понять только опредѣленный, матеріально выражающійся интересъ, и трогательныя наивныя рѣчи Елены Ивановны ей чужды и непонятны, какъ показались бы странныя такія же рѣчи со стороны деревни по адресу того или ино-

го интеллигента, котораго деревня не знает и къ которому обратилась бы вдругъ съ изліянiями любви, дружбы и всяческихъ симпатiй. Теперь между нами и деревней существуютъ тысячи перегородокъ, и ложно годами жить въ деревнѣ и не быть съ ней связаннымъ непосредственно хотя бы въ пустякахъ, въ родѣ, напримѣръ, выбора общаго сотскаго. А интересы такіе существуютъ несомнѣнно, и время все настойчивѣе указываетъ на необходимость разбить перегородки, окружающія деревню своего рода стекляннымъ колпакомъ. Теперь существуетъ назойливо бьющая въ глаза ненормальность, что масса лицъ, живущихъ въ предѣлахъ деревни, лишены правъ обсуждать вмѣстѣ съ нею общія дѣла, какія встрѣчаются на каждомъ шагу. Послѣдній пропойца можетъ принимать участіе въ сходѣ и подавать голосъ, выбирать судей и должностныхъ лицъ, но не принадлежащій къ обществу, хотя не менѣе его заинтересованный мѣстный обыватель, живи онъ тутъ хоть сто лѣтъ,— лишень права и возможности непосредственнаго воздѣйствiя на дѣла міра. Идетъ ли вопросъ объ учрежденiи школы, въ которой будутъ учиться и его дѣти, или о проведенiи новой общей для всѣхъ дороги, или о необходимости столь важныхъ для деревни противопожарныхъ мѣръ, выборѣ новыхъ должностныхъ лицъ, на которыхъ и съ него идетъ слѣдуемая сумма,— все равно, такой обыватель, кто бы онъ ни былъ, стоитъ въ сторонѣ. А между тѣмъ, за послѣдніе годы такихъ не приписанныхъ къ обществамъ жителей можно встрѣтить въ любой деревнѣ,—

есть такія села, гдѣ они составляютъ особыя поселенія,— и по большей части это самый культурный слой деревенскаго населенія, прямое участіе котораго въ жизни деревни не только желательно, но необходимо. Къ сожалѣнію, имъ можно фигурировать въ деревенской жизни только въ роли разныхъ благодѣтелей, — почва, самая ненадежная, даже при самыхъ искреннихъ отношеніяхъ съ обѣихъ сторонъ.

Жизнь стучится въ замкнутыя двери деревенскаго міра, и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ эти двери откроются, только не для слабыхъ и больныхъ душою, хотя такихъ искреннихъ и добрыхъ людей, какъ бѣдная Елена Ивановна. Здѣсь нужны здоровые, сильные люди, которые были бы живо заинтересованы всѣми неурядицами современной деревни и могли бы принять непосредственное участіе въ борьбѣ съ ними. До сихъ поръ ихъ деревня знаетъ лишь въ образѣ случайно занесеннаго человѣка — «По дѣдамъ службы», какъ называется третій рассказъ Чехова, напечатанный въ «Недѣлѣ». Какъ два предыдущіе, рассказъ проникнуть однимъ общимъ для нихъ настроеніемъ печали, грустнаго сознанія ненужности того, что дѣлается, и тоски о лучшихъ человѣчныхъ отношеніяхъ между людьми, теперь такими чуждыми другъ другу, разрозненными и одинокими.

Въ деревнѣ застрѣлился молодой человѣкъ, земскій страховою агентъ, и на слѣдствіе пріѣзжаютъ два молодыхъ чиновника, докторъ и слѣдователь. Они запоздали, явились только на третій день, да и то къ ночи, и слѣдствіе опять от-

кладывается на утро. Докторъ уѣзжаетъ къ сосѣднему знакомому помѣщику, а слѣдователь Лыжинъ рѣшается заночевать въ земской квартирѣ, гдѣ въ другой половинѣ лежитъ трупъ самоубійцы подъ охраной понятыхъ и сотскаго. Этотъ сотскій, или, какъ онъ самъ себя величаетъ «цоцкай», Лошадинъ, суетливый, добродушный старикъ, принимаетъ живѣйшее участіе во всемъ дѣлѣ и является центральной фигурой разсказа. Приготовивъ слѣдователю постель и самоваръ, онъ занимаетъ его разговоромъ, повѣствуя и о своей несложной жизни, и о покойномъ земскомъ агентѣ Лѣсницкомъ, трупъ котораго сторожатъ за перегородкой понятые. Вся жизнь сотскаго ушла въ ходьбу. «Послѣ воли черезъ пять лѣтъ сталъ ходить, вотъ и считай. Съ этого время каждый день хожу. У людей праздникъ, а я все хожу. На дворѣ Святая, въ церквахъ звонъ, а я съ сумкой... Въказначейство, на почту, къ становому, къ земскому, къ податному, въ управу, къ господамъ, къ мужикамъ, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Ношу пакеты, повѣстки, окладные листы, письма, бланки разные, вѣдомости».

Эти разговоры, вой метели на дворѣ, неудобная обстановка мѣшаютъ слѣдователю спать, досаждаютъ ему. Ему думается, «какъ все это – и метель, и изба, и старикъ, и мертвое тѣло, лежавшее въ сосѣдней комнатѣ, – какъ все это было далеко отъ той жизни, какой онъ хотѣлъ для себя, и какъ все это было чуждо для него, мелко, неинтересно. Если бы этотъ человѣкъ убилъ себя въ Москвѣ, гдѣ-нибудь подь Москвой,

и пришлось бы вести слѣдствіе, то тамъ это было бы интересно, важно и, пожалуй, даже было бы страшно спать по сосѣдству съ трупомъ; тутъ же, за тысячу версть отъ Москвы, все это какъ будто иначе освѣщено, все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только „по формѣ“, какъ говоритъ сотскій Лошадинъ, все это не оставить въ памяти ни малѣйшаго слѣда и забудется, едва только онъ, Лыжинъ выѣдетъ изъ деревни. Родина, настоящая Россія – это Москва, Петербургъ, а здѣсь провинція, колонія; когда мечтаешь о томъ, чтобы играть роль, быть популярнымъ, быть, на примѣръ, слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, или прокуроромъ окружного суда, быть свѣтскимъ львомъ, то думаешь непременно о Москвѣ. Если жить, то въ Москвѣ, здѣсь же ничего не хочется, легко миришься со своей незамѣтной ролью и только ждешь одного отъ жизни – скорѣе бы уйти, уйтн»...

Насъ всегда чрезвычайно интересовалъ вопросъ, почему наша молодежь, повидимому, такая бодрая, полная готовности къ самопожертвованію на благо другихъ, – съ такой поразительной легкостью превращается въ зауряднѣйшихъ людей, живущихъ и дѣйствующихъ «по формѣ». Лыжинъ только типичный представитель молодыхъ дѣятелей въ русскомъ вкусѣ. Въ годы университетской жизни человѣкъ кипитъ, горитъ, всѣмъ сердцемъ чувствуетъ свою связь съ общей массой не только своего народа, но даже всего міра. Но вотъ человѣкъ вступаетъ въ жизнь, сталкивается въ дѣйствительности съ «соціальными факторами», только не въ видѣ свя-

ценныхъ формуль того или иного признаннаго учителя, а въ видѣ живыхъ людей, страдающихъ и борющихся,— и ничего не понимаетъ, не видитъ и не слышитъ. Получается именно то, что мѣтко выражаетъ Чеховъ въ думахъ Лыжина; все это мелочь, пустяки, не жизнь, а такъ себѣ, а важное, существенное гдѣ-то тамъ — въ книгѣ, въ спорахъ, въ увлекательныхъ стройныхъ положеніяхъ разработанной научной системы.

Въ героѣ разсказа старья задушевныя мысли всплываютъ подѣ вліяніемъ видѣннаго имъ страннаго сна, но врядѣли надолго. Какъ и огромное большинство, онъ подчинится условіямъ жизни, гдѣ нѣтъ мѣста этимъ важнымъ мыслямъ, гдѣ нѣтъ почвы для ихъ проведенія въ жизнь. Чтобы чувствовать на каждомъ шагу живую связь съ массою, надо, чтобы между людьми были постоянно живыя нити взаимнаго общенія, взаимныхъ интересовъ. Гдѣ каждый живетъ въ перегородкахъ, отдѣляющихъ его живую личность отъ другихъ, гдѣ форма на первомъ планѣ, а содержаніе сводится къ бумагѣ, къ отношеніямъ и предписаніямъ, властно подчинившимъ себѣ живую жизнь, тамъ не на чемъ развить мысль въ дѣло. Огромное большинство, масса, составляющая націю, народъ, состоитъ не изъ героевъ, а изъ среднихъ людей, которые подчиняются охотнѣе чѣмъ борются, и всегда идутъ въ направленіи наименьшаго сопротивленія. И пока незамѣтно созидающіеся новые запросы и требованія не разобьютъ этихъ перегородокъ, до тѣхъ поръ наталкивать и наводить на эти мысли будетъ литература, а не жизнь.

Тѣмъ цѣннѣе для насъ эти чудные рассказы Чехова, въ которыхъ столько острой боли и щемящей сердце тоски.

Мучительно-тревожное настроеніе чуткаго и вдумчиваго художника отдается въ душѣ читателя, будить его притупившуюся къ житейскимъ неурядицамъ чувствительность, заставляетъ дать отчетъ въ своей жизни и дѣятельности. Художникъ является въ данномъ случаѣ выразителемъ тѣхъ глубоко скрытыхъ общественныхъ настроеній, которыя назрѣваютъ въ массѣ общества, еще безсознательныхъ, но уже властныхъ и многозначительныхъ. «Такъ жить дольше нельзя», — этотъ горькій выводъ воплощается въ рядѣ грустныхъ картинъ, понятныхъ всѣмъ, кто еще имѣетъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть.

Февраль 1899 г.

Годы перелома (1895–1906). Сборникъ критическихъ статей.

Книгоиздательство «Миръ Божій», Спб., 1908